

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

УДК 811.131

УДК 811.163.42

DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-63-80

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ДУБРОВНИКЕ XIV–XVI вв.:
РОМАНСКО-СЛАВЯНСКИЕ КОНТАКТЫ****Ульяна А. Путилина**

Университет Ка' Фоскари, Венеция, Италия

Ирина И. Челышева

Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

*Статья в рамках исторической социолингвистики описывает языковую ситуацию XIV–XVI вв. в Дубровнике, крупном экономическом и культурном центре Адриатического побережья. Анализируются исторические предпосылки формирования ситуации многоязычия периода романизации, а затем описываются функции каждого из присутствовавших в городе идиомов: хорватского, итальянского на тосканской основе, венецианского диалекта, далматинского языка и латыни. В качестве дополнительного источника используется текст комедии М. Држича «Дундо Марое» (1551). Основным языком устного общения был хорватский; как письменные языки использовались в основном латынь и итальянский, а в XVI в, в период далматинского Возрождения, сформировалась хорватская литературно-письменная традиция, во многом опиравшаяся на итальянскую возрожденческую литературу. Многие жители были многоязычны: на разных уровнях они владели венецианским диалектом и итальянским языком. Далматинский до конца XV в. сохранялся как язык узкой аристократической прослойки и язык органов управления. Сохранились свидетельства функционирования интересных смешанных итальянско-славянских языковых форм, среди которых так называемый *schiavonesco*, а также гибридные итальянско-хорватские тексты. Для авторов далматинско-дубровницкого Возрождения было характерно использование в своем творчестве нескольких языков, например драматургия на хорватском, поэзия на итальянском и трактаты на латыни. По материалам произведений М. Држича прослеживаются разнообразные типы языковой интерференции хорватского и итальянского языков, которые могли реально существовать в языке Дубровника XVI в.*

Ключевые слова: историческая социолингвистика, многоязычие, итальянский язык, венецианский диалект, хорватский язык

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© У.А. Путилина, И.И. Челышева, 2024

**RECONSTRUCTION OF THE LANGUAGE SITUATION IN DUBROVNIK IN THE 14th–
16th CENTURIES: ROMANIC-SLAVIC CONTACTS****Uliana A. Putilina**

Ca' Foscari University, Venice, Italy

Irina I. Chelysheva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article, within the framework of historical sociolinguistics, describes the linguistic situation in Dubrovnik, a major economic and cultural center of the Adriatic coast, in the 14th–16th centuries. It analyzes the historical prerequisites for the formation of the multilingual situation: the period of Romanization, and then describes the functions of each of the idioms present in the city: Croatian, Italian on a Tuscan basis, the Venetian dialect, Dalmatian and Latin. The text of M. Držić's comedy 'Dundo Maroje' (1551) is used as an additional source. The main language of oral communication was Croatian; Latin and Italian were mainly used as written languages, and in the 16th century, during the Dalmatian Renaissance, the Croatian literary and written tradition was formed, largely based on Italian Renaissance literature. Many residents were multilingual: they had varying levels of command of the Venetian dialect and Italian. Dalmatian until the end of the 15th century, remained as the language of a narrow aristocratic stratum and the language of the governing bodies. Evidence has been preserved of the functioning of interesting mixed Italian-Slavic language forms, including the so-called schiavonesco, as well as hybrid Italian-Croatian texts. The authors of the Dalmatian-Dubrovnik Renaissance were characterized by the use of several languages in their work, for example, drama in Croatian, poetry in Italian and treatises in Latin. Based on the works of M. Držić, various types of linguistic interference between Croatian and Italian can be traced, which could have actually existed in the language of Dubrovnik in the 16th century.

Keywords: *historical sociolinguistics, multilingualism, Italian language, Venetian dialect, Croatian language*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© *Uliana A. Putilina, Irina I. Chelysheva, 2024*

1. Введение

Наша статья посвящена описанию лингвистической ситуации XIV–XVI вв. в городе Дубровник, расположенном на Адриатическом побережье Хорватии в исторической области Далмация. Этот город, носивший еще одно название – Рагуза, представлял собой уникальное пространство, где встречался и взаимодействовал славянский мир с романским, и это взаимодействие дополнялось живыми и богатыми связями с Востоком и германскими государствами. Выбранный нами период XIV–XVI вв. – это расцвет Дубровницкой республики. К XV–XVI вв. относится и период далматинско-дубровницкого Возрождения, славянского ответвления европейского Ренессанса, сформировавшегося под влиянием Возрождения итальянского. Наше исследование проведено в рамках исторической социолингвистики, когда на основании косвенных свидетельств, исторических данных, на анализе корпуса текстов, высказываний современников и т.д. реконструируется сфера употребления и функции языков в многоязычной ситуации [Чельшева, 2020: 9]. Особо отметим роль произведений далматинско-дубровницкого Возрождения. Мы не будем затрагивать литературную сторону взаимодействия культур, коснемся этих текстов лишь в той мере, в какой они помогают реконструировать социолингвистическую ситуацию эпохи. Как дополнительный источник для реконструкции дубровницкого многоязычия мы использовали комедию Марина Држича «Дундо Марое» (1551) [Držić, 1991]. Драматург и поэт М. Држич (1508–1567), крупнейший представитель

далматинского Возрождения в Дубровнике, вывел в своих произведениях целый ряд персонажей: среди них дубровчане и уроженцы других городов Далмации, итальянцы, евреи, немцы и др. При всей условности театрального языка в комедии, повествующей о приключениях дубровчан в Риме, воссозданы элементы реальной языковой ситуации на Адриатике XVI в. [Thomas, 2000: 242].

2. Исторические события, обусловившие многоязычие Дубровника

Предшественником Дубровника было римское (возникшее на месте иллирийского, позже греческого) поселение Эпидавр недалеко от Дубровника. В I в. до н.э. запад Балканского полуострова был завоеван римлянами, и была образована провинция Иллирик, позже разделенная на Паннонию и Далмацию. О преемственности римской языковой традиции свидетельствует то, что в Далмации сложился собственный романский идиом – далматинский язык.

В VII в. на Балканский полуостров приходят многочисленные славянские племена, и возникают славянские государственные образования: Дукля, Зета, Травуня, Захумле, к северу – Хорватия, в глубине материка – Сербия (позже Рашка). Дубровник находился между территориями Захумле (на севере) и Травуня (на юге) [Praga, 1954].

Город жил под двумя именами: славянским и романским – Дубровник и Рагуза. Эти формы не являются вариантами одного и того же слова, в отличие от названий других городов Далмации. Романское наименование Рагуза является первичным, название Дубровник фиксируется позже. Впервые Рагуза упоминается в *Ravennatis Anonymi Cosmographia* в начале VII в.: *Epitaurum id est Ragusium* ‘Эпидавр, то есть, Рагуза’ [Hrvatska enciklopedija].

Жителей Дубровника выделяли на общем фоне населения восточной Адриатики. Так характеризует Далмацию, упоминая и Рагузу, Вильгельм Тирский (1130–1186): «*Est autem Dalmatia longe patens regio inter Hungariam et Adriaticum Mare sita, quattuor habens metropoles: Iazaram et Salonam, que alio nomine dicitur Spaletum, Antibarim et Ragusam <...> exceptis paucis qui in oris maritimis habitant, qui, ab aliis et moribus et lingua dissimiles, Latinum habent idioma, reliquis Sclavonico sermone utentibus et habitu barbarorum.* ‘Далмация – обширная страна, расположенная между Венгрией и Адриатическим морем и есть в ней четыре города: Зара, Салона, иначе именуемая Спалато, Антивари и Рагуза <...> кроме тех немногих, что живут на морском побережье и отличаются от остальных по обычаям и по языку, они говорят на языке латинском, а другие используют язык славянский и имеют варварские обычаи’» (цит по: [Dotto, 2008: 21]). Как видим, епископ упоминает о «латинском», т.е. романском языке жителей побережья и отмечает их немногочисленность и близость к западной цивилизации.

Около 1000 г. на Адриатику начинает претендовать Венеция. Дубровник входит в ее владения в 1205 г., но к 1358 г. получает фактическую независимость и образует Дубровницкую республику (лат. *Republica Ragusina*, итал. *Repubblica di Ragusa*), или Республику св. Влаха, покровителя города. Формально город переходит под сюзеренитет Венгрии, однако власть венгерского короля носит чисто номинальный характер [Harris, 2006]. В конце XII в. территория Дубровника расширяется: в ее состав входят прилегающие территории и острова. Город-порт на перекрестке торговых путей становится крупным экономическим, торговым, политическим и культурным центром, по уровню развития не уступающим итальянским коммунам. Хотя политически Дубровник стал независим от Венеции, интенсивные контакты на всех уровнях продолжались.

С усилением турецкой угрозы в конце XIV в. власти Дубровника начали заключать торговые договоры с Османской империей, а с 1458 г. они формально платят дань османскому султану, став посредником между Османской империей и итальянскими городами-государствами [Акимова, 1997: 712].

Как и Венеция, Дубровник являлся аристократической республикой. Власть была сосредоточена в руках нобилей, потомков романского населения. Высшим законодательным органом являлся Большой совет (лат. *Consilium Maior*, хорв. *Veliko vijeće*), в который входили все мужчины из знатных семей, достигшие 18 лет; с 1332 г. членство в совете стало передаваться только по наследству [Harris, 2006: 18].

Большинство горожан (пополаны) не имели влияния на формирование органов власти и не участвовали в политической деятельности. Сословные границы между нобилитетом и пополанами были жесткими, межсословные браки были запрещены. К XVII в. дубровницкие нобили стали столь малочисленны, что им грозило полное исчезновение.

Языковое разнообразие города дополняли общины иностранцев: итальянцы из разных городов (Венеции, Флоренции, Сиены, Лукки, Анконы, из южной Италии), еврейское население, славяне с завоеванных османами территорий, чья речь отличалась от речи жителей Дубровника. Сохранились сведения о турках, албанцах, греках, немцах на территории Дубровницкой республики. В городе постоянно останавливались путешественники и паломники, ведь он был последним далматинским портом на паломническом пути в Святую землю через Адриатику.

Характерно, что граница «свой – чужой» в восприятии горожан проходила не по политическому, этническому или конфессиональному признаку. Например, Марин Држич в письме Козимо I Медичи называет Мехмеда-пашу Соколовича, османского визиря боснийского происхождения, человеком «*della lingua e nazione nostra*» ‘нашего языка и рода’ несмотря на то,

что тот выходец из другой конфессиональной среды и другой области (Боснии) [Leksikon Marina Držića, 2015].

Живые контакты славянского и романского миров дополнялись контактами культур и литератур. С появлением в XIV в. в Тоскане произведений Трех венцов (итал. *Tre corone*) – Данте, Петрарка, Боккаччо – литература итальянского Ренессанса стала широко известна по всей Европе. Она способствовала развитию ренессансной гуманистической традиции в Далмации. XV–XVI века – эпоха далматинско-дубровницкого Возрождения с центрами в Сплите во главе с Марко Маруличем (1450–1524), на о. Хвар во главе с Петаром Гекторовичем (1487–1572), в Задаре во главе с Петаром Зораничем (1508 – ок. 1550) и в Дубровнике во главе с Марином Држичем (1508–1567) [Дробышева, 2008].

Итак, история развития Дубровника свидетельствует о том, что он всегда был включен в многоязычный и мультикультурный ареал с весомым римским и романским влиянием в области политики и культуры. Приморский адриатический мир составлял единую культурно-историческую общность. Дубровник являлся органичной и важной частью этого мира, а также принадлежал к романскому (наследующему римскому) миру средневековых и ренессансных городов-государств.

Если говорить о языковом репертуаре жителей Дубровника исследуемой эпохи, то подавляющая часть населения в XIV–XVI вв. владела по меньшей мере хорватским и в разной степени наречиями Италии (итальянский и/или венецианский). Образованные люди знали латынь, которая широко использовалась на письме. Литература дубровницкого Возрождения по большей части триязычна: один и тот же автор создает произведения на латыни, хорватском и итальянском языках. Марко Марулич, например, известен поэмой «Юдифь», написанной на хорватском языке, но он является также автором ряда латинских трактатов и по меньшей мере двух сонетов на итальянском.

В XIV–XV вв. и раньше можно говорить даже о наборе из четырех языков у некоторых говорящих: это нобили, владевшие далматинским, хорватским, латинским и итальянским. Однако в большинстве случаев речь идет о неполном владении несколькими языками, наблюдается довольно строгое функциональное разграничение между разными идиомами. Рассмотрим, какое место занимали основные языки Дубровника в лингвистической ситуации XIV–XVI вв.

3. Хорватский язык в Дубровнике

Говорили дубровчане в основном на хорватском языке, который появился на Адриатике после прихода южных славян на эти земли в VII в. Изначально славяноязычными были жившие за городскими стенами крестьяне. По мере славянизации хорватский язык проникал в город,

число его носителей увеличивалось, а к концу XV в. он распространился среди торгового и аристократического сословия, в том числе и среди лиц неславянского происхождения.

Современники-итальянцы обозначали славянский язык Далмации как *lingua schiava*, по латыни *lingua sclavonica*, а также *lingua dalmatina*, *sermo barbari* ‘варварское наречие’. Кроме того, сами носители использовали словосочетание «наш язык». В комедии «Дундо Марое» появляется слово *pašjenas*, то есть, ‘наш, свой’. Оно объединяет говорящих на славянском языке, разделенных территориально и политически.

К началу XIV в. хорватский язык представлял собой диалектный континуум, по большей части никак не кодифицированный и не зафиксированный в письменной форме. По поводу диалектной основы славянского говора Дубровника ведутся споры: чакавская или штокавская. Эти термины используются в славистике для разграничения групп диалектов хорватского и сербского языков и получили свои названия по форме слова «что» в разных диалектных группах. Большинство ученых все же сходится на том, что исконной в Дубровнике является штокавщина [Vulić, 2016].

Что касается функций и сферы употребления хорватского, то в Дубровнике он долгое время был исключительно языком устного общения, который пришел на смену далматинскому. Собственно дубровницкий хорватский включал в себя немало венецианских и итальянских заимствований, использование которых определялось особенностями коммуникативной ситуации.

С расцветом движения дубровницких гуманистов появляются художественные тексты, переводы европейских авторов, и хорватский становится языком ренессансной литературы. Развивая родной язык, хорваты ориентируются на итальянских авторов и гуманистов. Формируется очищенный, не очень близкий к устной речи идиом на новоштокавской основе, прообраз будущего литературного языка.

Среди итальянцев Дубровника многие владели хорватским или хотя бы понимали его и использовали в общении. Это подтверждают свидетельские показания из нотариальных судебных реестров, где приводится хорватская речь слуг, переданная их хозяином-итальянцем. Например, в реестре 1284 г. есть собственноручная запись на латыни итальянца Микеле ди Джердузиа о том, что он услышал, как по-славянски кричат «Я ранен!». Или, например, в записи 1285 г., некий *Adamus trivisanus de Castro Franco*, родственник венецианского графа, сообщает, что во время конфликта в городе кто-то кричал на хорватском. Причем фраза записана так, как она произносилась: «*Podhi s Vogo!*» ‘Иди с Богом!’ (цит. по: [Dotto, 2008: 24]).

Таким образом, можно утверждать, что не только жители Дубровника, говорившие на хорватском, знали романские языки, но и итальянцы, волею судеб оказавшиеся в Дубровнике, ориентировались в славянском наречии.

4. Далматинский язык

До прихода славян жители Дубровника говорили на местном романском идиоме. В латинских документах он именуется *lingua ragusana*, *lingua ragusana vetus* [Vuletić et al., 2019]. Далматинский – общее название для романских идиомов, развившихся в Далмации как спонтанное и непосредственное продолжение латыни [Нарумов, 2005: 266]. Эта формулировка условие объединяет в один язык довольно отличные друг от друга сущности. Нет четко очерченных временных и пространственных рамок, определяющих далматинский. Вопрос о месте его в классификации романских языков остается дискуссионным, равно как и вопрос о его разновидностях, и мы его затрагивать не будем. Отметим, что кроме северной (вельотской) и южной (дубровницкой/рагузинской) выделяют также центральную разновидность (говоры Задара, Сплита, Трогира, Раба, Осора). Эти идиомы, по-видимому, исчезли еще в XI–XII вв. [Нарумов, 2005], за исключением задарского, который использовался до начала XV в. Вельотский просуществовал на острове Крк (итал. *Veglia*) до конца XIX в. и известен по работам М. Бартоли, который и ввел в оборот термин «далматинский язык» [Bartoli, 1906]. Мы сосредоточимся именно на дубровницком (или рагузинском) варианте, который является менее изученным.

Далматинский Дубровника был языком узкой социальной прослойки нобилей, его немногочисленные носители были членами самых благородных семей Дубровника и потомками латиноговорящих жителей Далмации, поселившихся там до славянизации VII в. Со временем из устного языка семьи он превратился в язык местных органов управления, который использовался во время собраний. Однако мысль о происхождении от древних римлян таким образом распространилась на всю далматинско-дубровницкую славянскую культуру. Популярной практикой было сочинение генеалогического древа, когда дубровницкий славянский род возводился к одной из великих личностей Древнего Рима.

Важным источником сведений об использовании далматинского языка является сочинение «*Situs, aedificiorum, politiae et laudabilium consuetudinum inclitae civitatis Ragusii ad ipsius Senatum descriptio*» Филиппо де Диверсиса, уроженца Лукки, который в 1434–1440 гг. преподавал в Дубровнике. Он пишет: «*In prescriptis omnibus consiliis et offitiis civilium et criminalium oratores, seu arreatores advocati iudices et consules legis statuto latine loquuntur, non autem sclave, nec tamen nostro idiomate italico, in quo nobiscum phantur et conveniunt, sed quodam alio vulgari ydiomate eis speciali, quod a nobis Latinis intelligi nequit, nisi aliqualis immo magna eiusmodi loquendi habeatur saltim audiendo consuetudo, panem vocant pen, patrem dicunt teta, domus dicitur chesa, facere fachir, et sic de caeteris, quae nobis ignotum ydioma parturiun*» (цит. по: [Dotto, 2008: 26]). «Во всех Советах и учреждениях ораторы, судьи и адвокаты, а также стороны как в

гражданских, так и в уголовных процессах, следуя установленным законам, говорят по-латыни, а не по-славянски, но употребляют они не наш итальянский, на котором они говорят с нами, а другой народный говор, им свойственный, который мы, латиняне, понять не в силах и на котором мы не можем говорить, если у нас нет прочной привычки. Хлеб они называют *rep*, отца – *teta*, дом – *chesa*, «делать» у них – *fachir* и так далее со многими другими словами, поэтому их язык кажется нам совсем непонятным'. Важно, что де Диверсис четко определил функции далматинского как языка административного и официального. Итальянец воспринимал древний язык Дубровника как родственный латинскому и итальянскому, но иной, непонятный.

Сохранилось два постановления дубровницкого Сената от 5 февраля и 21 декабря 1472 г., закрепляющие использование далматинского. Оба раза рассматривался вопрос о том, чтобы допустить использование в Сенате хорватского и итальянского языков, однако дважды было решено оставить ситуацию прежней, т.е. пользоваться только *lingua vetus ragusea* 'старым дубровницким языком' [Muljačić, 2000: 427]. Протоколы собраний велись на латыни, но в устной форме далматинскому был придан административный статус.

Таким образом, в Дубровнике далматинский выполнял роль статусного, социально престижного языка, его употребление носило оттенок социальной избранности. Если судить по документам Сената, язык был важен дубровницкому патрициату для сохранения самоидентичности и составлял ее часть. Но возникновение потребности в его закреплении свидетельствует о том, что язык почти перестал использоваться.

Отметим важность далматинского для укрепления языковых контактов хорватского с романскими языками: далматинский выступил в качестве субстрата и подготовил почву для более легкого усвоения итальянских и новых латинских заимствований [Kalogjera, 2015: 357].

Итог использованию далматинского в Дубровнике подводит Элио Лампридио Черва (Илия Цириевич), дубровницкий гуманист и писатель (1463–1520): «...nam adhuc reliquiae quaedam et vestigia romani sermonis apud nos extant et patrum memoria omnes nostri progenitores et publice et privatim romanam linguam, quae nunc penitus obsolevit, loquebantur, et me puero memini nonnullos senes romana lingua, quae tunc Rhacusaea dicebatur, causas actitare solitos; quibus indicium constat nostrum genus in Romanos procul dubio esse referendum» (цит. по: [Bartoli, 1906: 139]). '...в нашей памяти еще живут следы и остатки романского языка, на котором наши предки говорили и в обществе, и дома, сейчас этот язык уже совсем не используется. Я помню, как мальчиком слышал, что старики обсуждают что-то на романском языке, который тогда называли рагузинским. Из этого видно, что мы несомненно происходим от римлян'.

В пьесе М. Држича можно обнаружить некоторые формы в итальянской речи персонажей-дубровчан, в которых, возможно, прослеживается влияние уже угасшего далматинского: *voštarija*

‘трактир’ из итал. *osteria* с характерной для далматинского протезой *v-*. Кроме того, далматинизмами можно назвать слова, сохранившие группу согласных *pl-* в начале слова: *Placa* ‘Плаца’ (городской топоним), *placari* ‘торговцы-мошенники’, *plakijer* ‘удовольствие’. К далматинскими чертам также можно отнести отсутствие палатализации *k* и *g* перед *i*, *e*: *galatina* ‘холод’ (ср. ит. *gelatina*), *plakijer* ‘удовольствие’ (ср. ит. *piacere*) и сохранение группы *-mn-* в слове *dumna* ‘монахиня’ (ср. лат. *domina*) [Репина и др., 2001: 685].

Таким образом, далматинский язык в Дубровнике умер к концу XV в. [Muljačić, 2000: 83]. Среди возможных причин его исчезновения можно назвать изолированность социальной группы дубровницкой аристократии и немногочисленность носителей по сравнению с носителями других языков, особенно хорватского. С XIII в. аристократам все чаще приходится жениться на хорватскоговорящих женщинах и хорватский постепенно становится языком семьи [Metzeltin, 1992: 319]. Эпидемии чумы (начиная с XIV в.) и катаклизмы (землетрясения) также способствовали сокращению коренного населения среди горожан.

5. Языковые традиции Италии: венецианский и тосканский в Дубровнике

Итальянская лингвистическая традиция объединяла, с одной стороны, диалект Венеции, относящийся к северной группе диалектов Италии, и, с другой стороны, находившийся в процессе распространения и утверждения литературный итальянский на тосканской, т.е. центрально-итальянской основе.

Связь с Италией была многолика. Это и торгово-экономические связи, и заметное по сей день влияние в архитектуре, и безусловная авторитетность итальянской средневековой и ренессансной литературы. Близость Италии и Далмации отражается и в топонимах: у большей части островов и городов Далмации двойные итальянско-хорватские названия.

Культура и язык Италии обладали высоким престижем и составляли часть идентичности образованных дубровчан. Аристократы отправляли сыновей на учебу в итальянские университеты, чаще всего в Падую. Многие из них позже становились там преподавателями. Наряду со славянскими именами и фамилиями гуманисты использовали и итальянские: Марин Држич и Марино Дарса, Илия Цириевич и Элио Лампридио Черва. В комедии «Дундо Марое» есть героиня, которая из соображений престижа выдает себя за итальянку, скрывая свое славянское происхождение.

Итальянский язык именуется *toškano* ‘тосканский’ или *latinski* ‘латинский’, это говорит о том, что и общеитальянский стандарт еще не до конца утвердился и идиом на тосканской основе пока не воспринимается как язык всей Италии.

Использование итальянского языка в художественных произведениях, созданных на территории Дубровника и Далмации, имеет определенную жанровую окраску: по-итальянски писались в основном поэтические произведения, особенно сонеты, создававшиеся в русле петраркистской традиции.

Наравне с итальянским, языком культуры, литературы и церкви, в Дубровнике использовалась латынь. Она была закреплена за жанрами трактата и теологических сочинений, а также употреблялась в богослужении. В Дубровнике были латинские школы, где преподавал и упомянутый выше Филиппо де Диверсис. Итальянский язык и латынь сосуществовали в образовательной и в административной сферах.

Немногочисленные аристократы, имевшие доступ к итальянским университетам, владели латинским и итальянским на высоком уровне, но родным языком у них был хорватский (ранее далматинский). В торговой сфере активно использовался итальянский, причем дубровницкие крупные торговцы скорее всего пассивно владели венецианским диалектом, используя более литературную форму языка. Для мелких торговцев и крестьян родным был также хорватский язык, но при контактах с покупателями или местными властями некоторое знание итальянского им было необходимо. Произведения М. Држича свидетельствуют о том, что итальянским языком владели даже слуги, по крайней мере они понимали его [Kalogjera, 2015: 355]. Широкому распространению итальянского языка способствовало постоянное присутствие носителей в городе, а также далматинский романский субстрат. По пьесам М. Држича мы видим, что итальянские вкрапления были органичной частью городского идиома Дубровника [Sočanac, 2004].

Языковой репертуар различался не только в зависимости от социального положения, но и от гендера. Итальянским языком лучше владели мужчины, а женщины говорили на хорватском языке, однако встречались и исключения.

Сильно было и венецианское влияние, но оно было более ограничено. Венецианский был языком устного общения и интенсивно использовался в сфере торговли, корабельного и военного дела, являясь *lingua franca* всего Средиземноморья (так называемый *veneziano de là da mar* 'заморский венецианский') [Folena, 1968–1970]. Он усваивался торговцами и моряками через погружение в языковую среду, без школьного образования [Bidwell, 1967]. Показательно, что в комедии «Дундо Марое» венецианские элементы появляются в речи морехода с острова Лопуд, постоянно контактировавшего с венецианскими моряками.

Венецианизмы в комедии М. Држича выглядят социально маркированными, они появляются в речи слуг Петруньелы и Бокчило [Thomas, 2000]. Находясь в Риме, они пытаются говорить на том наречии Италии, которое слышали на родине, что подтверждает устное

взаимодействие славяноговорящих жителей именно с венецианским. Более того, можно предположить, что именно из-за венецианизмов в речи Петруньелы (венецианская форма глагола «быть» *xe*) в ней узнают *našijenku*, т.е. «нашу», славянку с Адриатики: «*Petrunjela: Xe mia signora, misser. 'Это моя синьора, мессир' – Vlaho: Ovo para našijenka! 'Эта, видно, наша'».*

Некоторые венецианские элементы сохранились в дубровницких документах на латинском языке и итальянском (*scriptae venezianeggianti*) [Dotto, 2008]. Надо сказать, что, несмотря на господство на Адриатике, Венеция никогда не проводила политики венецианизации славянского населения и не препятствовала использованию хорватского.

Итальянская (тосканская) письменная литературная традиция, оформившаяся в XIV в., оказалась более значимой и авторитетной для Дубровника. Венецианские элементы довольно быстро растворились в ней. В Далмации, как и в Италии, происходит постепенное распространение общепитальянского письменного языка на тосканской основе.

6. Смешанные формы речи и языковая интерференция

В анализируемой пьесе М. Држича славяне используют итальянский язык не только для общения с теми, кто не владеет хорватским, но и разговаривают на нем между собой. Точнее, они часто здороваются по-итальянски и вставляют отдельные итальянские слова или фразы. М. Решетар делает вывод, что в то время «*nema sumnje da je to zbilja bila obična stvar*» «это, без сомнения, было обычным делом» [Rešetar, 1933: 119].

Разные персонажи комедии уверенно вплетают в славянскую речь итальянские обращения: *signor(a)/sinjor(a)* «синьор(а)», *misser* «мессир», *padrona mia* «моя госпожа»; этикетные фразы, приветствие и прощание: *bon giorno (alla signoria vostra)* «добрый день»; *siate il ben vegnuo* «добро пожаловать», *ben trovato* «рад встрече», *che (bone) nove?* «какие новости?»; восклицания: *oršū!* «вперед», *giuraddio!* «Богом клянусь!», *l'è fatta!* «все пропало!», *bestro!* «черт!»; устойчивые обороты: *per amor de Dio* «ради Бога» и т.д.

Мы уже отметили многоязычие дубровницкой литературы и распределение языков по жанрам, но интенсивные языковые контакты в среде дубровчан приводили к созданию текстов, где нарочито смешивались славянский и романские языки, хотя в поэзии такое языковое разнообразие было редкостью. Приводим отрывок из стихотворения Орацие Мажибрадича (ум. ок. 1620 г.), где смешение хорватского и итальянского сознательно используется как средство для достижения комического эффекта (итальянский и перевод с него выделен курсивом) (цит. по: [Saftich, 2012: 436]): *Marin mio amato, mučno mi je bil' dosta / di non aver fatto prije na tvu risposta / A tomu cagione fu tempo contrario / krivina moja ne, tako mi zdrav bio!* «*Марин мой*

любимый, я мучался так сильно, что на [письмо] твое *не написал ответа*, а тому *причиной было ненастье*, я ни при чем, тебе здоровья!»

Контакты славян с венецианским и итальянским языками нашли отражение и в форме так называемого *schiavonesco* – гибридного языка, объединявшего славянские и романские формы и пародировавшего речь славян [Giudice, 2015]. *Schiavonesco* появлялся в шуточных стихах и в комедиях в Венеции XVI в. При всей литературной условности, он отражал лингвистические процессы, которые происходили в реальности в многоязычном пространстве по обоим берегам Адриатики, в том числе и в Дубровнике. *Schiavonesco* – это венецианская языковая реальность, отсылавшая в целом к речи славян с восточного побережья Адриатики. Но среди актеров, подвизавшихся в Венеции, дубровчан было немало. Упомянем известного комедианта Дзуана Поло Лиомпарди (Ивана Павловича) (первая половина XVI в.). В шуточном монологе он рассказывает, что родился и вырос в Рагузе (цит. по: [Crestomație romanică, 1962: 205–206]): *Vero che san nasio dentrol Raguxi / e reliuato fin trenta quatro anni, / miol padre in quel logo ieral Duxi / e chiamaua Sdrouichio miser Zuuñi* ‘Я родился в Рагузе и жил там до тридцати четырех лет, / мой отец был там правителем / и звали его Здровиккьо мессер Дзуан’. Далее сообщается, что персонаж учился в Падуе, изучал Данте, Петрарку и флорентийцев, но говорить умеет лишь на смешанном языке, за что и извиняется.

В этом тексте присутствует большое количество венецианских особенностей, которые перемешиваются с фонетическими и морфологическими характеристиками специфического романского идиома Дубровника. Далеко не все исследователи считают, что Дзуан Поло был из Дубровника; есть точка зрения, что он был венецианцем, удачно воплотившим шутовской персонаж дубровчанина [Giudice, 2014: 16]. Но и такая ситуация подтверждает, что в Дубровнике многие понимали венецианский и итальянский языки и владели ими, а венецианцы знали о языковом узусе дубровчан.

О контактах языков в Дубровнике свидетельствует славянско-романская языковая интерференция, широко представленная в речи персонажей пьесы М. Држича. Наиболее интенсивно хорватско-итальянская интерференция проявляется в переключении кодов, а также на морфологическом уровне. При заимствовании итальянские корни транслитерируются и включаются в систему формо- и словоизменения хорватского. У глаголов итальянский формант инфинитива *-re* заменяется славянским *-ti/-t*: от итал. *mancare* ‘не хватать’, *leggere* ‘читать’ *contare* ‘считать’ образуются хорватские инфинитивы *manjkati*, *legati*, *kontati* и др. Возвратные глаголы приобретают неизменяемый хорватский возвратный компонент *se*. Взамен флексии *-o* появляется нулевая, поскольку в хорватском именно она служит показателем мужского рода:

fastidio > *fastidij* ‘помеха’, также *segno* > *senj* ‘знак, вывеска’; *consiglio* > *konselj* ‘совет’, *degno* > *denj* ‘достойный’ [Ljubičić, Kovačić, 2019: 32].

От итальянских корней образуются новые лексемы с помощью хорватских словообразовательных элементов: от итал. *briccone* ‘обманщик’ – хорв. *brikunanje* ‘вранье’; итал. *magia* ‘колдовство’ – хорв. *zamadžijan* ‘зачарованный’; от итал. *desviare* ‘сворачивать с правильного пути’ – *dezvijan* ‘заблудший, сбившийся с правильного пути’.

В речи героев комедии, носителей хорватского языка, возникают кальки итальянских синтаксических конструкций. Так, используется свойственная романским языкам конструкция *accusativus cum infinitivo* при глаголах чувственного восприятия: хорв. *čujem našijem jezikom govorit* ‘букв. я слышу на нашем языке говорить’ аналогично итал. *sentire qualcuno fare qualcosa* ‘слышать, как кто-то что-то делает’. Правильно было бы *čujem kako našijem jezikom govore* ‘я слышу, как говорят на нашем языке’.

По итальянскому типу строится и каузативная конструкция (*fare qualcuno fare qualcosa*, глагол «делать» в значении ‘заставлять’): *zaboravih i da čini donijet drugu peču demaškina bijela* ‘я забыла, что нужно сказать, чтобы он принес еще отрез белого дамасского шелка’. Здесь *da čini donijet* букв. ‘чтобы он сделал (заставил его) принести’ – калька с итальянского [Malinar, 2006: 306]. Каузативное значение глагола *činiti* ‘делать’ нехарактерно для хорватского.

Некоторые хорватские предлоги приобретают значения итальянских, т.е. происходит взаимодействие на семантическом уровне. Причиной, позволившей нам прийти к этому выводу, является частотность предложных конструкций [Kalogjera, 2015: 359]. Это видно по употреблению предлога *od*, который часто используется в значении родительного падежа: *s usmi od zmaja* ‘с драконьим ртом’; *kuća od sinjore Laure* ‘дом синьоры Лауры’; *prva kortidžana od Rima* ‘первая куртизанка Рима’; *obraz od dobra čovjeka* ‘вид хорошего человека’. Для хорватского достаточно было бы использовать падежную форму, избыточный предлог выступает аналогом итальянских *di* или *da*, необходимых в языке, лишенном падежей.

Дополнительные значения приобретает предлог *za*. Он часто используется в сочетании с инфинитивом в значении ‘чтобы’, подобно итальянскому предлогу *per*: *za vratit se* ‘чтобы вернуться’ (итал. *per tornare*); *za iskat* ‘чтобы искать’ (итал. *per cercare*) и т.д.

В некоторых итальянизмах итальянский корень узнаваем, однако лексема полностью освоена хорватским, значение выражения не равно сумме значений составляющих его лексем: *na prješu* ‘быстро’ (от итал. *presto* ‘быстро’); *kako je njegovo užano rijet mi* ‘как он обычно мне говорит’ (итал. *usare* ‘постоянно делать, постоянно использовать’); *ma sam zaljezao u veliku konsideracijon* ‘я задумался’ (сохраняется женский род, как у итальянского существительного *considerazione*).

По мнению Д. Калогьеры [Kalogjera, 2015: 357], итальянизмы могли служить показателем социального статуса, знаком принадлежности к престижной группе.

Встречаются и заимствования из венецианского: *zanze* ‘болтовня, глупости’, чему в итальянском соответствует *ciance*; *sion* > *šijun* ‘ураган’; *mezalin* > *medzalin* ‘мелкая монета’; *rodela* > *rudela* ‘круглый щит’.

7. Заключение

В заключение можно выделить четыре основных фактора, подготовивших языковую ситуацию в Дубровнике XIV–XVI вв. Во-первых, это романизация (I в. до н.э.), в результате которой на территории Далмации появилось романоязычное население. Во-вторых, это славянизация (с VII в.): приход южнославянского племени хорватов на побережье Адриатики обусловил последующее господство хорватского языка. В-третьих, политическое и культурное влияние Венецианской республики. И в-четвертых, это влияние итальянской литературно-языковой традиции на тосканской диалектной основе.

Рассмотрев социолингвистическую ситуацию в Дубровнике XIV–XVI вв., мы можем охарактеризовать ее следующим образом. В устной речи используется дубровницкий городской говор: хорватский идиом с большим количеством итальянских (тосканских и венецианских) и латинских заимствований. Далматинский субстрат облегчает освоение романских элементов. Большинство говорящих многоязычны: родным и первым языком является хорватский, образованные люди знают итальянский и латинский на разном уровне (многие учатся и живут в Италии), остальные горожане владеют этими языками по меньшей мере пассивно. Латинский и итальянский являются языками культуры и документации, преподаются в школах. К XVI в. формируется трехязычная ренессансная литературная традиция на хорватском, латинском и итальянском. Венецианский используется в устной речи, в основном в сфере торговли, морского и военного дела, воспринимается из устных источников. Далматинский, язык узкой аристократической прослойки, перестает быть языком семьи и становится языком собраний в Сенате, а к концу XV в. исчезает вовсе.

Корпус письменных текстов в Дубровнике XIV–XVI вв. предстает следующим образом: деловая письменность на итальянском (тосканский с венецианскими включениями, возможны некоторые следы далматинского влияния) и на латыни; научные и религиозные тексты – на латыни; с XV в. художественные тексты – на хорватском, многие на штокавском идиоме, есть и чакавско-икавские тексты; наконец тексты, близкие к устному языку, где отражено лингвистическое разнообразие. Дополнительные элементы языковой ситуации связаны с

присутствием в Дубровнике общин иностранцев: евреев, турок, греков, языки которых вносили свой оттенок в лингвистическую картину города.

Литература

- Акимова О.А.* (1997) Литература Хорватии, Далмации, Дубровника // История литератур западных и южных славян. Т. 1. От истоков до середины XVIII века. М.: Индрик. С. 711–775.
- Дробышева М.Н.* (2008) Развитие культуры в эпоху Возрождения в Дубровнике // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. № 4. С. 209–214
- Нарумов Б.П.* (2005) Далматинский ареал в современном романском языкознании // XV ежегодная Богословская конференция 2005 г. Материалы. Т. II. М.: ПСТГУ. С. 265–271.
- Репина Т.А., Нарумов Б.П.* (2001) Далматинский язык // Языки мира: Романские языки. М.: Academia. С. 681–694.
- Чельшьева И.И.* (2020) Историческая социоллингвистика: Границы и возможности: (На материале романских языков) // Социоллингвистика. № 4. С. 8–20.
- Bartoli, M.* (1906). Das Dalmatische: Altromanische Sprachreste von Veglia bis Ragusa und ihre Stellung in der Apennino-Balkanischen Romania. Wien: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. 856 p.
- Bidwell, C.E.* (1967) Colonial Venetian and Serbo-Croatian in the Eastern Adriatic: A Case Study of Languages in Contact // General Linguistic. 7. Pp. 13–30.
- Dotto, D.* (2008) Scriptae venezianeggianti a Ragusa nel XIV secolo [Venetian-style scripts in Ragusa in the 14th century]. Roma: Viella. 144 p.
- Držić, M.* (1991) Dundo Maroje. Novela od Stanca // Dundo Maroje. Zagreb: Školska knjiga. Pp. 53–197.
- Folena, G.* (1968–1970) Introduzione al veneziano de là da mar // Bollettino dell'Atlante linguistico mediterraneo. No. 10–12. Pp. 331–376.
- Giudice, A.* (2014) Un contributo allo studio del linguaggio “schiavonesco”: Edizione commentata e analisi linguistica del “Testamento” di Zuan Polo e degli “strambotti” alla 'schiavonesca'. Padova: Università di Padova. Available at: <http://dspace.unive.it/bitstream/handle/10579/4889/821752-1173215.pdf?sequence=2>. Access date: 5.01.2024.
- Giudice, A.* (2015) Lo schiavonesco a Venezia: Tra parodia e realtà // Dialetto parlato, scritto, trasmesso. A c. di G. Marcato. Padova: CLEUP. Pp. 141–149.
- Harris, R.* (2006) Dubrovnik: A history. L.: Saqi Books. 505 p.
- Hrvatska enciklopedija (2021) / Leksikografski zavod Miroslav Krleža. Available at: <https://www.enciklopedija.hr/>. Access date: 04.06.2021.
- Kalogjera, D.* (2015). Dvojezični učinak u Držića: (Sociolingvistički nacrt) // Višejezičnost kao predmet multidisciplinarnih istraživanja: Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenoga skupa Hrvatskoga društva za primijenjenu lingvistiku održanoga od 25. do 27. travnja 2014. u Zagrebu. Zagreb: Srednja Europa. Pp. 351–369.
- Leksikon Marina Držića / Leksikografski zavod Miroslav Krleža, Dom Marina Držića. (2015). Available at: <https://leksikon.muzej-marindržic.eu/> Access date: 04.06.2021
- Ljubičić, M., Kovačić, V.* (2019) Prilagodba talijanskih pridjeva u dubrovačkom govoru Marina Držića // Filologija. No. 72. Pp. 31–58.
- Malinar, S.* (2002) Italiano e croato sulla costa orientale dell'Adriatico: Dai primi secoli all'Ottocento (I) // Studia Romanica et Anglica Zagradiensia. No. 47–48. Pp. 283–310.
- Metzeltin, M.* (1988). Veneziano e italiano in Dalmazia // Lexikon der Romanistischen Linguistik. Vol. IV. Italienisch, Korsisch, Sardisch. Tübingen: Niermeyer. Pp. 551–569.
- Metzeltin, M.* (1992) La Dalmazia e l'Istria // L'italiano nelle regioni. Lingua Nazionale e identità regionali. Torino: UTET. Pp. 316–336.

- Muljačić, Ž.* (2000) *Das Dalmatische: Studien zu einer untergegangenen Sprache*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau. 434 p.
- Praga, G.* (1954) *Storia di Dalmazia*. Padova: Cedom. 268 p.
- Rešetar, M.* (1933) *Jezik Marina Držić // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*. 248. Tisak nadbiskupske tiskare. Pp. 99–240. Available at: [https://dizbi.hazu.hr/a/?pr=iiif.v.a&id=169936&tify={%22pages%22:\[116,117\],%22panX%22:1.016,%22panY%22:0.584,%22view%22:%22info%22,%22zoom%22:0.484](https://dizbi.hazu.hr/a/?pr=iiif.v.a&id=169936&tify={%22pages%22:[116,117],%22panX%22:1.016,%22panY%22:0.584,%22view%22:%22info%22,%22zoom%22:0.484) Access date: 04.06.2021
- Saftich, D.* (2012) *La questione dell'uso della lingua nella letatura della dalmazia nel periodo rinascimentale e barocco // Annali di Studi istriani e mediterranei: Istoria et sociologia*. No. 2. Pp. 425–438.
- Sočanac, L.* (2004) *Hrvatsko-talijanski jezični dodiri: S rječnikom talijanizama u standardnome hrvatskom jeziku i dubrovačkoj dramskoj književnosti*. Zagreb: Nakladni zavod Globus. 404 str.
- Thomas, G.* (2000) *A diachronic approach to sociolinguistics: Language use in selected plays from Croatia // History and Perspectives of Language Study: Papers in Honor of Ranko Bugarski*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company. Pp. 235–256.
- Vuletić, N. Dotto, D.* *Il veneziano in Dalmazia e a Dubrovnik/Ragusa fino al XVIII secolo: Per la storia di uno spazio comunicativo // Lo spazio comunicativo dell'Italia e delle varietà italiane / a cura di Thomas Krefeld, Roland Bauer. – Korpus im Text, Serie A, 14384, 2019*. Available at: <http://www.kit.gwi.uni-muenchen.de/?p=14384&v=1>. Access date: 04.09.2024.
- Vulić, S.* *Jezična previranja u dubrovačkoj renesansnoj književnosti*. Available at: <https://hrcak.srce.hr/157724>. Access date: 04.06.2021.

References

- Akimova, O.A.* (1997) *Literatura Horvatii, Dalmatsii, Dubrovnika [Literature of Croatia, Dalmatia, Dubrovnik] // Istorija literatur zapadnyh i juzhnyh slavjan*. T. 1. M.: Indrik. Pp. 711–775. (In Russ.)
- Drobysheva, M.N.* (2008) *Razvitie kultury v epohu Vozrozhdenija v Dubrovniku [Renaissance Culture in Dubrovnik] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. No. 4. Pp. 209–214. (In Russ.)
- Narumov, B.P.* (2005) *Dalmatinskij areal v sovremennom romanskom jazykoznanii. XV ezhegodnaja Bogoslovskaja konferentsija 2005 g [The Dalmatian area in modern Romanesque language. XV Ethereum Bogoslovsk Conference 2005]*. Materials. T. II. M.: PSTGU. Pp. 265–271. (In Russ.)
- Repina, T.A., Narumov, B.P.* (2001) *Dalmatinskij jazyk [Dalmatian language] // Languages of the World: Romance Languages*. M.: Academia. Pp. 681–694. (In Russ.)
- Chelysheva, I. I.* (2020) *Istoricheskaja sotsiolingvistika: Granitsy i vozmozhnosti: Na materiale romanskih jazykov [Historical sociolinguistics: Opportunities and constraints: Based on the romance languages] // Sociolinguistics*. No. 4. Pp. 8–20. (In Russ.)
- Bartoli, M.* (1906). *Das Dalmatische. Altromanische Sprachreste von Veglia bis Ragusa und ihre Stellung in der Apennino-Balkanischen Romania [Dalmatian. Old Romance language remains from Veglia to Ragusa and their position in the Apennino-Balkan Romania]*. Vienna: Imperial Academy of Sciences. 856 p. (In Germ.)
- Bidwell, C.E.* (1967) *Colonial Venetian and Serbo-Croatian in the Eastern Adriatic: A Case Study of Languages in Contact // General Linguistic*. 7. Pp. 13–30.
- Dotto, D.* (2008) *Scriptae venezianeggianti a Ragusa nel XIV secolo [Venetian-style scripts in Ragusa in the 14th century]*. Rome: Viella. 144 p. (In Ital.)
- Držić, M.* (1991) *Dundo Maroje. Novela od Stanca [Dundo Maroje. Novel from Stanac] // Dundo Maroje*. Zagreb: School book. Pp. 53–197. (In Croat.)
- Folena, G.* (1968–1970) *Introduzione al veneziano de là da mar // Bollettino dell'Atlante linguistico mediterraneo [Introduction to Venetian de là da mar // Bulletin of the Mediterranean Linguistic Atlas]*. No. 10–12. Pp. 331–376. (In Ital.)

- Giudice, A.* (2014) Un contributo allo studio del linguaggio “schiavonesco”. Edizione commentata e analisi linguistica del “Testamento” di Zuan Polo e degli “strambotti” alla 'schiavonesca' [A contribution to the study of the “schiavonesca” language. Annotated edition and linguistic analysis of the “Testament” of Zuan Polo and the “strambotti” alla 'schiavonesca']. Padua: University of Padua Available at: <http://dspace.unive.it/bitstream/handle/10579/4889/821752-1173215.pdf?sequence=2> Access date: 5.01.2024
- Giudice, A.* (2015) Lo schiavonesco a Venezia: Tra parodia e realtà. Dialetto parlato, scritto, trasmesso. A c. di G. [Schiavonesco in Venice: Between Parody and Reality. Spoken, Written, and Transmitted Dialect. Edited by G. Marcato]. Padova: CLEUP. Pp. 141–149. (In Ital.)
- Harris, R.* (2006) Dubrovnik: A history. L.: Saqi Books. 505 p.
- Hrvatska enciklopedija [Croatian encyclopedia] (2021) Leksikografski zavod Miroslav Krleža [Lexicographic Institute Miroslav Krleža]. Available at: <https://www.enciklopedija.hr/> Access date: 04.06.2021). (In Croat.)
- Kalogjera, D.* (2015). Dvojezični učinak u Držića (sociolingvistički nacrt) // Višejezičnost kao predmet multidisciplinarnih istraživanja: Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenoga skupa Hrvatskoga društva za primijenjenu lingvistiku održanoga od 25. do 27. travnja 2014. u Zagrebu [The bilingual effect in Držić (sociolinguistic draft) // Multilingualism as a subject of multidisciplinary research: Proceedings of the international scientific meeting of the Croatian Society for Applied Linguistics held from April 25 to 27, 2014 in Zagreb]. Zagreb: Srednja Europa. Pp. 351–369. (In Croat.)
- Leksikon Marina Držića. Leksikografski zavod Miroslav Krleža, Dom Marina Držića [Lexicon of Marin Držić. Miroslav Krleža Lexicographic Institute, Home of Marin Držić]. (2015). Available at: <https://leksikon.muzej-marindržic.eu/> Access date: 04.06.2021) (In Croatian)
- Ljubičić, M., Kovačić, V.* (2019) Prilagodba talijanskih pridjeva u dubrovačkom govoru Marina Držića [Adaptation of Italian adjectives in Dubrovnik speech by Marin Držić] // Filologija. No. 72. Pp 31–58. (In Croat.)
- Malinar, S.* (2002) Italiano e croato sulla costa orientale dell'Adriatico: Dai primi secoli all'Ottocento (I) [Italian and Croatian on the Eastern Adriatic Coast: From the Early Centuries to the Nineteenth Century (I)] // Studia Romanica et Anglica Zagrabiana. No. 47–48. Pp. 283–310. Available at: <https://hrcak.srce.hr/21019> Access date: 03.09.2024) (In Ital.)
- Metzeltin, M.* (1988) Veneziano e italiano in Dalmazia [Venetian and Italian in Dalmatia] // Lexicon of Romance Linguistics. Vol. IV. Italian, Corsican, Sardinian. Tübingen: Niermeyer. Pp. 551–569. (In Ital.)
- Metzeltin, M.* (1992) La Dalmazia e l'Istria. L'italiano nelle regioni // Lingua Nazionale e identità regionali [Dalmatia and Istria. Italian in the regions // National language and regional identities]. Turin. Torino: UTET. Pp. 316–336. (In Ital.)
- Muljačić, Ž.* (2000) Das Dalmatische: Studien zu einer untergegangenen Sprache [Dalmatian: Studies on a lost language]. Cologne; Weimar.; Vienna: Böhlau. 434 p. (In Croat.)
- Praga, G.* (1954) Storia di Dalmazia [History of Dalmatia]. Padua: Cedam. 268 p. (In Ital.)
- Rešetar, M.* (1933) Jezik Marina Držića // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. 248 p. Tisak nadbiskupske tiskare [The language of Marin Držić // Work of the Yugoslav Academy of Sciences and Arts. 248. Printing of the archbishop's printing house]. Pp. 99–240. Available at: [https://dizbi.hazu.hr/a/?pr=iiif.v.a&id=169936&tify={%22pages%22:\[116,117\],%22panX%22:1.016,%22panY%22:0.584,%22view%22:%22info%22,%22zoom%22:0.484}](https://dizbi.hazu.hr/a/?pr=iiif.v.a&id=169936&tify={%22pages%22:[116,117],%22panX%22:1.016,%22panY%22:0.584,%22view%22:%22info%22,%22zoom%22:0.484}) Access date: 04.06.2021
- Saftich, D.* (2012) La questione dell'uso della lingua nella letteratura della Dalmazia nel periodo rinascimentale e barocco Annali di Studi istriani e mediterranei [The question of the use of language in Dalmatian literature in the Renaissance and Baroque period Annals of Istrian and Mediterranean Studies] // Istoria et sociologia. No 2. Pp. 425–438. (In Ital.)
- Sočanac, L.* (2004) Hrvatsko-talijanski jezični dodiri: S rječnikom talijanizama u standardnome hrvatskom jeziku i dubrovačkoj dramskoj književnosti [Croatian-Italian language contacts: With

- a dictionary of Italianisms in the standard Croatian language and Dubrovnik dramatic literature]. Zagreb: Globus publishing house. 404 p. (In Croat.)
- Thomas, G. (2000) A diachronic approach to sociolinguistics: Language use in selected plays from Croatia // *History and Perspectives of Language Study: Papers in Honor of Ranko Bugarsky*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. Pp. 235–256. (In Eng.)
- Vuletić, N. Dotto, D. (2019) Il veneziano in Dalmazia e a Dubrovnik/Ragusa fino al XVIII secolo: Per la storia di uno spazio comunicativo. Lo spazio comunicativo dell'Italia e delle varietà italiane / a cura di Thomas Krefeld, Roland Bauer. – *Korpus im Text, Serie A, 14384 [Venetian in Dalmatia and Dubrovnik/Ragusa until the 18th century: For the history of a communicative space. The communicative space of Italy and of the Italian varieties / edited by Thomas Krefeld, Roland Bauer. – Korpus im Text, Serie A, 14384]*. Available at: <http://www.kit.gwi.uni-muenchen.de/?p=14384&v=1>. Access date: 04.09.2024. (In Ital.)
- Vulić, S. (2016) Jezična previranja u dubrovačkoj renesansnoj književnosti [Linguistic turmoil in Dubrovnik Renaissance literature] // *Colloquia Maruliana XXV*. Pp. 229–258. Available at: <https://hrcak.srce.hr/157724>. Access date: 04.06.2021. (In Croat.)

Путилина Ульяна Андреевна – магистрант университета Ка' Фоскари, Венеция, Италия

<https://orcid.org/0009-0007-3120-1146>

Адрес: 30121, Италия, Венеция, Каннареджо, 2409

Эл. адрес: pulja99@yandex.ru

Чельшева Ирина Игоревна – доктор филологических наук, профессор, зав.

отделом индоевропейских языков Института языкознания РАН.

<https://orcid.org/0000-0003-4467-4974>

Адрес: 105009 Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/12.

Эл. адрес: chelirin@gmail.com

Putilina Ulyana Andreevna – master's student at Ca' Foscari University, Venice, Italy

<https://orcid.org/0009-0007-3120-1146>

Address: Cannaregio 2409, Venice, Italy, 30121

E-mail: address: pulja99@yandex.ru

Chelysheva Irina Igorevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Indo-European Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

<https://orcid.org/0000-0003-4467-4974>

Address: Bolshoy Kislovsky per. 1/12, Moscow, Russia, 125009

E-mail: chelirin@gmail.com

Для цитирования: Путилина У.А., Чельшева И.И. Реконструкция языковой ситуации в Дубровнике XIV–XVI вв.: Романско-славянские контакты // *Социолингвистика*. 2024. № 3 (19). С. 63–81. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-63-80

For citation: Putilina, U.A., Chelysheva, I.I. Reconstruction of the language situation in Dubrovnik in the 14th–16th centuries: Romanic-Slavic contacts // *Sociolingvistika*. 2024. No. 3 (19). Pp. 63–81. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-63-80

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 11.01.2024;
approved after reviewing 19.06.2024;
accepted for publication 20.08.2024.